
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947

DOI 10.25730/VSU.2070.19.027

Крестьянское движение весной 1902 г. и формирование аграрной политики В. К. Плеве

А. С. Минаков

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ,
Московский педагогический государственный университет. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Аннотация. Исследование влияния социальных процессов на правительственную политику в последние десятилетия имперского строя в России является актуальной научной проблемой. Поэтому целью статьи выступает анализ причин возникновения и характера крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. и их воздействия на формирование программы аграрных преобразований министра внутренних дел В. К. Плеве. Исследовано участие главы МВД в разборе обстоятельств волнений. На основе широкого круга источников (делопроизводственная документация, периодическая печать, источники личного происхождения) выяснено, что низкий уровень продовольственной обеспеченности крестьян, малоземелье, малоэффективность всех уровней системы местного управления, а также влияние антиправительственной агитации, лежавшие в основе беспорядков, определили основные векторы правительственной политики в аграрном вопросе. В их числе ведущее место занимали разработка нового законодательства о крестьянском землевладении и землепользовании (в том числе необходимость отмены круговой поруки), модернизация переселенческой политики и выработка новой модели административного контроля над крестьянским социумом. Кроме того, В. К. Плеве получил возможность использовать проявившиеся в ходе беспорядков царистские настроения крестьянства для укрепления общественных основ действовавшего политического строя. Данный вариант модернизации самодержавной системы открывал потенциал публичной презентации образа монарха как духовного и государственного лидера подданных. Учитывая религиозность императора Николая II и его семьи, данный план имел высокие шансы реализации, а В. К. Плеве получал дополнительный идеологический ресурс поддержки собственной политической программы в целом.

Ключевые слова: Российская империя, В. К. Плеве, крестьянские волнения, аграрный вопрос.

Рубеж XIX–XX столетий был временем не только интенсивных общественно-политических перемен, но и динамичных социально-экономических процессов. Российская империя все теснее вовлекалась в мировую систему экономических отношений, стремясь одновременно ускорить развитие собственной конкурентоспособной промышленности. Основной экономический потенциал страны был по-прежнему сосредоточен в аграрном секторе, развитие которого характеризовалось эклектичностью и многоукладностью, представляя фактически переходный тип. Оставаясь сословно замкнутой, многомиллионная крестьянская масса продолжала иметь стратегическое значение ведущей производительной силы, основного потребителя на внутреннем рынке, а также главного мобилизационного ресурса. При этом деревня была неспособна самостоятельно, без помощи государства преодолеть как свой сервильный менталитет, так и технологическую отсталость. Сохраняли значительный вес сакрально-монархические основы крестьянской психологии, но и такая подсознательная верность мифу о «добром и справедливом царе» все более нуждалась в экономическом подкреплении. От готовности оперативно отвечать на острые вызовы времени зависела жизнеспособность российского самодержавия и перспективы имперской государственности. Именно поэтому назначение в апреле 1902 г. Вячеслава Константиновича Плеве министром внутренних дел связывалось с ожиданием перемен в правительственной политике по аграрному вопросу.

В значительной мере это объяснялось тем, что В. К. Плеве имел колоссальный опыт участия в работе разных межведомственных органов по проблемам сельского хозяйства. Во многих из них, например, Комиссии для выяснения причин падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1887 гг., Комиссии для пересмотра Устава о народном продовольствии и др., он был непосредственным руководителем.

Вместе с тем отношение В. К. Плеве к аграрному вопросу в начальный период его руководства Министерством внутренних дел остается все еще недостаточно изученной проблемой в историографии. В существенной степени векторы аграрной политики В. К. Плеве и ее характер формировались под воздействием крестьянских беспорядков в Полтавской и Харьковской губерниях в марте-апреле 1902 г. Однако в исторической литературе их влияние на правительственный курс все еще очерчено лишь контурно [3; 21, с. 81–82; 23, с. 27, 40–41, 80–81; 25].

Только обустроившись на новом месте службы, В. К. Плеве занялся разбором тревожных телеграмм с Юга России. Крестьянские волнения, начавшиеся весной 1902 года, охватили многие районы империи, но наиболее активными они были в Полтавской (Константиновградский и Полтавский уезды) и Харьковской (Валковский и Богодуховский уезды) губерниях. В конце марта – начале апреля 1902 г. в указанных регионах подверглись погрому десятки имений [6, с. 165; 14, с. 9–10].

Мелкое воровство и посягательство на помещичью собственность еще с дореформенных времен были обыденным явлением сельской повседневности. В деревне такие кражи, впрочем, как побои или оскорбления, не считались преступлением. Длительное время они вообще разбирались на основе обычного права, а официальная статистика даже не вела их учет [16, с. 115, 125]. Однако теперь речь шла об открытом и масштабном расхищении помещичьего имущества.

Учитывая неординарность сложившейся обстановки, В. К. Плеве самостоятельно принял нестандартное для правительственной среды решение – отправиться на место событий и лично проанализировать случившееся. Разрешение на поездку было испрошено всеподданнейшим докладом 8 апреля 1902 г. «Разбираясь в моих впечатлениях первых дней, я смущен беспорядками в Харьковской и Полтавской губерниях <...>. Из бумаг затрудняюсь составить себе обстоятельное по ним заключение», – объяснял он свои действия императору [4]. Такой необычный шаг не остался незамеченным общественностью. «Плеве уехал на место буйства мужиков. Вот это министр. Очень немногие бы это сделали!» – воскликнул по этому поводу отставной генерал А. А. Киреев [10].

Стоит отметить, что эффект столь внезапной командировки министра усиливал ее маршрут. По дороге в Харьков и Полтаву В. К. Плеве побывал с паломническим визитом в Троице-Сергиевой лавре, где провел остаток Страстной недели и часть Светлой седмицы. Посещение старинного центра православия расценивалось как получение министром благословения на предстоящую деятельность по стабилизации социальной обстановки и будущие преобразования в государстве [24].

15 апреля 1902 г. В. К. Плеве прибыл в Харьков. С вокзала он отправился в гостиницу «Европейскую», где в 11 утра принял прокурора Харьковской судебной палаты А. А. Лопухина, с которым у него состоялся продолжительный разговор. А. А. Лопухин доложил ему свежую информацию о масштабах и обстоятельствах беспорядков. В первую очередь В. К. Плеве интересовался действиями полтавского и харьковского губернаторов. А. А. Лопухин в положительном ключе оценил И. М. Оболенского, деятельность которого, по словам прокурора, была «разумна, целесообразна и энергична», в отличие от А. К. Бельгарда, допустившего, напротив, «недостаток понимания значения» беспорядков и «большую нераспорядительность» в их прекращении [12, с. 33]. Впрочем, по донесениям начальников губерний и свидетельствам современников, в экзекуциях над участниками беспорядков преуспели оба губернатора [13, с. 58–60; 20].

После встречи с А. А. Лопухиным В. К. Плеве принял других должностных лиц, а вечером 15 апреля он выехал в Полтаву. Здесь глава МВД также заслушивал должностных лиц, и вновь, как и в Харькове, первым докладчиком был А. А. Лопухин, которого В. К. Плеве пригласил специально. Однако в Полтаве прием велся уже не в комфортабельных апартаментах отеля, а в железнодорожном вагоне. Циркулировали слухи, проникавшие даже в европейскую прессу, что в адрес министра поступали угрозы в связи с его приездом, поэтому в целях безопасности, он не покидал поезда [7; 26]. Тем не менее после обеда 17 апреля он приехал в губернаторский особняк, где провел совещание с представителями местного дворянства и зем-

ской общественностью. На нем В. К. Плеве выступил с призывом объединить усилия правительства и общественных сил для предотвращения подобных акций. Однако, по мнению его ближайшего соратника В. И. Гурко, провинциальная общественность не вняла призывам министра. В. К. Плеве, вспоминая, «почти вкладывал им в уста заявление, что в этих видах необходимо привлечь общественность к более близкому участию в государственном управлении. Однако земцы, по-видимому, утраченные произведенными погромами частновладельческих имений, в ответ ему говорили лишь об одном – о необходимости ввести в губернии положение об усиленной охране» [5; 17]. Пробыв в Полтаве до полудня 18 апреля, В. К. Плеве выехал обратно и 20 апреля возвратился в столицу.

Либеральная и радикальная пресса пыталась использовать факты широкого применения телесных наказаний для дискредитации первых шагов В. К. Плеве как министра. «Особенно ярко политика Плеве проявилась в открытом и в небывалых размерах применении беззакония, а именно телесного наказания. По слухам, Плеве прямо требует его применения», – заявлял журнал «Освобождение». Акцент на жестких действиях властей при подавлении беспорядков делался и в публикациях социал-демократической «Искры» [9; 19].

Поэтому бюрократический мир с интригующим ожиданием наблюдал за поездкой В. К. Плеве. Еще до отъезда ему было известно, что И. М. Оболенский взял на себя инициативу широкого привлечения войск для подавления беспорядков с применением телесных наказаний к виновным. В столице и на юге ожидали, как новый министр отнесется к радикальным действиям харьковского губернатора. Реакция последовала быстро. В. К. Плеве оценил решительность и смелость И. М. Оболенского, не найдя в его действиях превышения полномочий. Полтавский губернатор А. К. Бельгард «при свойственных ему дипломатических приемах управления», не проявивший «надлежащей энергии» в подавлении волнений, был отправлен в отставку [2; 15].

Другим существенным кадровым решением по итогам министерской ревизии стало назначение А. А. Лопухина директором Департамента полиции. В. К. Плеве высоко оценил служебные качества харьковского прокурора, особенно его скрупулезность в расследовании обстоятельств беспорядков. А. А. Лопухину удалось донести до главы МВД «свежие, здоровые мысли, которые вносили что-то новое в обветшалые приемы и устарелые взгляды, господствовавшие тогда в местном административном управлении» [2]. При этом он отметил внимание министра к деталям произошедшего и одновременно к собственной персоне: «Я был единственным из должностных лиц г. Харькова, приглашенным министром завтракать с ним» [12, с. 34].

Беседы с А. А. Лопухиным и представителями провинциальной общественности, изучение рапортов губернаторов, а также правоохранительных ведомств, красноречиво обнажили главе МВД не только причины и характер крестьянских выступлений, поражавших своими масштабами, но и все неприглядные стороны состояния российской деревни.

Прежде всего, с язвительной болью заявила о себе нищета сельских жителей, множившаяся неурожаем и растущим дефицитом земли. Причем аренда помещичьих участков уже не могла быть решением этой проблемы. Так, в Полтавской и Харьковской губерниях количество земли, которые крестьяне могли взять в наем у помещиков, ежегодно сокращалась. Учитывая высокий спрос на землю, арендная плата росла [6, с. 159–163]. Поэтому нехватка земельных угодий и, как следствие, погружение в арендную зависимость от помещиков на кабальных условиях приводили к голодному существованию большинство крестьянских семей.

В числе непосредственных причин беспорядков и акций неповиновения также были тяжелые последствия неурожая 90-х годов XIX века и «нового» недорода 1901 года, повлекших нехватку продовольствия и средств обсеменения. Ни внутриобщинные ресурсы перераспределения, ни действовавшие хлебозапасные магазины не смогли амортизировать негативный эффект недорода. Между тем именно во время неурожая и непосредственно после них число преступлений против собственности в деревне возрастало [1; 14, с. 9; 16, с. 135; 22].

Материальная нужда крестьян соседствовала с их низким культурным уровнем. Спустя почти столетия после «Великих реформ» сервильная психология и низкий уровень правовой ответственности все еще господствовали на селе. Особенно серьезным тормозом на пути социально-экономического обновления деревни было неадекватное восприятие крестьянами частной собственности как неприкосновенного имущества. «Почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно должна пе-

рейти в его обладание» [11, с. 80–81], – замечал С. С. Хрулев, разбиравший беспорядки. Патриархальные формы общежития и общинные порядки, консервируя в сельской среде приверженность к традиционному укладу, выхолащивали какие-либо ростки социального просвещения и чувства гражданственности. Резкое ухудшение экономического положения радикально меняло облик крестьянской среды, превращая ее в полудикую социальную массу, останавливаемую лишь опасностью физического наказания.

Именно поэтому голодное и малокультурное крестьянство являлось благодатной почвой для результативной агитационной работы радикальных элементов. Участие антиправительственной пропаганды в подготовке беспорядков единодушно подтверждалось официальной информацией, распространяемой в прессе, а также донесениями губернаторов, участниками следствия и свидетельствами очевидцев [12, с. 33; 13, с. 79–80; 18].

«Бедственное экономическое положение и некультурность нашей крестьянской среды представляют благодатную почву для пропаганды противообщественных и противоправительственных идей, <...> пропаганда эта, устная и путем печатных листков, исходит прежде всего от разных революционных и социалистических организаций, <...> большинство этих нелегальных произведений издано специально для обращения в крестьянской среде, язык и слог приспособлены к пониманию простонародья, <...> в брошюрах и прокламациях этих крестьянин находит ответ на его затаенное желание о земле, которая трактуется как общая собственность, такая же, как свет и воздух», – указывал С. С. Хрулев [11, с. 86]. Другой участник следствия, В. Н. Семенов имел схожее мнение: «С конца 1901 года в народе стали появляться различные революционные издания, число которых особенно возросло в январе и феврале текущего года, <...> изложенные в означенных книжках идеи, отвечавшие заветным мечтам крестьянина, были встречены населением с большим сочувствием и так быстро усвоились, что некоторые крестьяне в разговоре с властями повторяли наизусть целые фразы из прочитанных изданий» [12, с. 62].

Так же, как В. Н. Семенов и С. С. Хрулев, существенное влияние антиправительственной пропаганды на погромные настроения крестьян отмечал уже упоминавшийся А. А. Лопухин. Власти, по его мнению, допустили широкое распространение среди крестьян агитационной литературы, составленной с учетом их образовательно-культурного уровня. В ней доступным языком делались акценты на негативных явлениях сельской жизни и содержался призыв выступать против государственного порядка. «Преступные книжки распространялись в народе в большом количестве и читались с огромным интересом», – подчеркивал он [14, с. 110].

В. К. Плеве со всей очевидностью был вынужден признать, что именно ведомство МВД, во главе которого он теперь встал, оказалось неспособным предвидеть такую ситуацию и справиться с ней без помощи войск и карательных мер. Органы земского самоуправления также представляли бездейственными свидетелями сельских проблем, провалив организацию продовольственной помощи. Помещики, владевшие излишками урожая и свободными угодьями, тоже предпочитали оставаться в стороне.

При этом начальники губерний, формально отвечавшие за положение на местах, фактически оказывались заложниками своего положения. «Условия административной жизни в губернии таковы, что губернатору приходится опираться <...> преимущественно на чинов полиции и тех должностных лиц в уездах, которые привыкли в своевременной отписке видеть отличие по службе. Если даже только остановиться на части, касающейся управления крестьян, то нужно признаться, что губернатор вряд ли может фактически лично направлять гражданскую жизнь крестьян с многоразличными ее запросами», – констатировал товарищ обер-прокурор 2 Департамента Правительствующего Сената Г. Г. Коваленский, анализируя обстоятельства волнений [12, с. 97].

В целом схожие впечатления о причинах беспорядков остались и у А. А. Лопухина, в странной записке которого, поданной императору спустя три года после описываемых событий, отмечалась неготовность губернской администрации к происходящему: «Власти растерялись, оставляя преступления расти безнаказанно, <...> все власти, на коих возложено попечение о народном благосостоянии, оказались в бездействии, <...> земские начальники годами не посещали многих местностей своих участков, <...> существовавший в некоторых деревнях голод никому из властей не был известен, и никто понятия не имел о степени обеднения населения» [14, с. 108–109]. Иными словами, речь шла о недостатке административного внимания к происходящему в крестьянском социуме в целом. Волостная администрация, земские начальники, полиция и даже земство оказывались слабыми звеньями в сложном, многоуров-

невом управлении деревней. Наконец, следствием такой «брошенности» деревни, по мнению чиновника, был успех антиправительственной пропаганды.

Одновременно с этим события весны 1902 г. показали силу царистских настроений в крестьянской среде. Среди крестьян была распространена уверенность, что «царь издал указ, согласно которому они имеют право силой отбирать у помещиков хлеб, землю и имущество. Крестьяне до такой степени были уверены в существовании подобного указа, что даже свои действия начинали с мирной просьбы о выдаче ключей от амбаров и кладовых, а уже затем, получив отказ, действовали силой» [6, с. 169]. Наивный крестьянский монархизм, превращавший крестьян в преступников, был поразителен даже для потерпевших помещиков. По свидетельству одного из них: «В начале этого движения в народе упорно ходили слухи о каком-то генерале, приехавшем из Петербурга от самого Царя, с поручением объявить народу какой-то манифест, писанный “золотыми буквами” <...>. Народ ведь всегда легко верил тому, что так или иначе касалось его личного интереса; мог он легко поверить и чьим-то рассказам про генерала, которого, в сущности, никто ни из моих соседей-крестьян, ни из служащих моих не видел; а “кто-то другой” видел, и этого было достаточно, чтобы народ уверовал в существование подобных самозванцев и в их прямую миссию» [8, с. 178]. Данные факты подтверждают и материалы судебного процесса над участниками беспорядков: «Один из обвиняемых показал, что он будто бы ходил в усадьбу не грабить, а посмотреть на генералов, которые приехали, <...> в том же деле имеется намек на то, что крестьяне ожидали приезда кн. Михаила, который дает разрешительные грамоты» [13, с. 195].

Конечно, сами по себе подобные слухи не были в деревне чем-то новым. В обывательском представлении крестьян бытовала уверенность, что вина за экономические неурядицы их жизни лежит на помещиках и чиновниках, которые обманывают царя [21, с. 87]. Однако данный факт в совокупности с резким ухудшением экономического положения оказался тем самым желанным основанием, на котором строили свои агитационные послы антиправительственные элементы. Именно на возможность исполнения казавшихся несбыточными желаний указывали прокламации и другая пропагандистская литература, игравшая на вполне искренних монархических симпатиях большинства населения.

«Все это те же Петры, Семены, соседи мои, которых мне не раз случалось выручать из какой-нибудь их беды и с которыми я дружно жил в течение многих лет моей жизни с ними; все знакомые лица, но что за ужасные были их глаза теперь <...>. Блуждающий, дикий взгляд как-то исподлобья, бегающий растерянно по сторонам, не останавливающийся определенно ни на одном предмете, выражал их какое-то особенное душевное состояние <...>. Мне грустно, бесконечно тяжело было смотреть на эти самодовольные лица мужиков, которые по темноте своей, по неведению своему обратились из мирных, хороших людей в каких-то озверелых грабителей, не понимающих в большинстве своем и самой преступности своего поступка», – с чувством глубокого сожаления констатировал один из пострадавших помещиков [8, с. 177–178].

Полтавский губернатор А. К. Бельгард в своем донесении главе МВД утверждал, что крестьянство «более чем когда-либо нуждается в попечительном руководстве, которого оно по большей части не находит ни в пастырях духовных, озабоченных личными делами и ограничивающихся совершением треб, ни в земских начальниках, административная деятельность которых ограничивается часто перепиской и некоторым наблюдением за волостными правлениями, но которые редко являют из себя ту близкую к народу твердую правительственную власть, о которой гласит закон, ни, наконец, в представителях полиции, которые по своей малочисленности не могут выполнить всех возложенных на них обязанностей» [13, с. 81].

Таким образом, впечатления от поездки в районы крестьянских выступлений, изучение всех обстоятельств беспорядков предоставили министру внутренних дел актуальный материал для объективного анализа состояния сельского хозяйства и положения жителей российской деревни. Все это в значительной мере определило основные векторы его реформ. При этом В. К. Плеве не сомневался, что отстаивание прерогатив МВД в контроле над модернизационными процессами в деревне будут проходить в жесткой конкурентной борьбе. Именно в это время созрел очередной этап его жесткого противостояния со своим давним оппонентом, министром финансов С. Ю. Витте, и разворачивалась полемика между Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности – детищем главы финансового ведомства – и Редакционной комиссией МВД по пересмотру крестьянского законодательства.

Так, одним из объектов будущих преобразований должна была стать община как социальный и экономический институт. В. К. Плеве и ранее полагал, что община должна идти в ногу

с переменами в России, но при этом оставаться важнейшим регулятором жизненных процессов в крестьянском социуме. Первоочередной задачей правительства выдвигалось сохранение всех ее необходимых и жизнеспособных качеств при ликвидации деструктивных начал. В этой связи надлежало разрешить судьбу ее податной составляющей – круговой поруки, существование которой тормозило экономическое развитие сельского хозяйства как ведущей отрасли экономики. Одновременно требовалась проработка вопроса о внеобщинных формах крестьянского землевладения. Вместе с тем В. К. Плеве мог рассчитывать и на такие рычаги снижения остроты земельного вопроса, как переселенческая политика и деятельность Крестьянского банка, которые, оставаясь в арсенале правительства, также ожидали своего обновления.

Далее оперативной перестройки требовала и малоэффективная система управленческого контроля над деревней. Однако эта реформа нуждалась в проведении вместе с общим преобразованием местного управления, так как губернская вертикаль опиралась на уездные, волостные и сельские единицы. По этой причине надлежало изменить систему полицейского надзора за крестьянским населением и всем происходящим в деревне.

Наконец, обнаружившие устойчивость в ходе беспорядков царистские настроения крестьянства можно было использовать для укрепления слабеющих социальных скреп самодержавного строя. Со всей серьезностью вставал вопрос о программе публичной презентации образа монарха как духовного и государственного лидера подданных. Учитывая религиозность Николая II и его семьи, глава МВД мог не сомневаться в высочайшем одобрении такой политики.

Тем самым для В. К. Плеве открывалась возможность упрочить личную близость к императору, получить поддержку не только аграрной, но и всей своей политической программы, а также выстроить идеологическую платформу для воплощения реформаторских замыслов.

Список литературы

1. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1984. С. 212–214.
2. Бельгард А. В. Воспоминания. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 436.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 437.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 859. Л. 4.
5. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. С. 148.
6. Емелях Л. И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // Исторические записки. Т. 38. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951.
7. Иваненко Д. А. Записки и воспоминания. 1888–1908. Полтава, 1911. С. 180.
8. Из воспоминаний об аграрном движении 1902 года в Полтавской губернии (Рассказ потерпевшего) // Исторический вестник. 1908. Т. СХII [4]. СПб., 1908.
9. Искра. 1902. 1 мая. № 20. С. 6 ; 1 июня. № 21. С. 9.
10. Киреев А. А. Дневник. Запись 13 апреля 1902 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. К. 13. Л. 134об.
11. Красный архив. 1930. № 2 (39). С. 80–81.
12. Крестьянские движения 1902 года (Новые материалы). М.-Пг. : Государственное издательство, 1923.
13. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сборник документов. Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961.
14. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. : сборник документов. М. : Наука, 1998.
15. Любимов Д. Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М. : Кучково поле ; Ретроспектива, 2018. С. 42.
16. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
17. Новое время. 1902. 21 апреля (4 мая). № 9384. С. 5.
18. Новое время. 1902. 29 апреля (12 мая). № 9392. С. 2.
19. О наших господах (Запоздалое письмо из Петербурга) // Освобождение. 1902. 2 (15) июля. № 2. С. 29.
20. Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. М. : Рос. фонд культуры ; Студия ТРИТЭ ; Российский архив, 2008. С. 562–564.
21. Первая русская революция: взгляд через столетие. М. : Памятники исторической мысли, 2005.
22. Рогожина А. С. «Просящий милостыню уже ничего не может найти, потому что все одинаково обнищали». О деятельности Особого комитета Наследника Цесаревича в контексте «всероссийского разорения» 1891–1892 гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 770–782. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-770-782.

23. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М. : Наука, 1987.
24. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М. : ОГИ, 2004. С. 514–515.
25. Judge E. H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia. Syracuse, 1983. Pp. 40–42.
26. Les ministres menacés en Russie // Le Rappel. 15 may 1902. № 11752. P. 1.

Peasant movement in the spring of 1902 and the formation of agricultural policy of V. K. Pleve

A. S. Minakov

Doctor of Historical Sciences, associate professor,
Deputy Director of the Department of history studies of MSPU, Moscow State Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Abstract. The study of the influence of social processes on government policy in the last decades of the Imperial system in Russia is an urgent scientific problem. Therefore, the purpose of the article is to analyze the causes and nature of the peasant movement in the Poltava and Kharkiv provinces in the spring of 1902 and their impact on the formation of the program of agrarian reforms of the Minister of Internal Affairs V. K. Pleve. The participation of the interior minister in the analysis of the circumstances of the unrest was investigated. On the basis of a wide range of sources (office records, periodicals, sources of personal origin), it was found that the low level of food security of peasants, low land use, inefficiency of all levels of the local government system, as well as the influence of anti-government agitation, which were the basis of the riots, determined the main vectors of government policy in the agricultural issue. These included the development of new legislation on peasant land ownership and land use (including the need to abolish circular bail), the modernization of the resettlement policy, and the development of a new model of administrative control over peasant society. In addition, V. K. Pleve was able to use the tsarist sentiments of the peasantry that were manifested during the riots to strengthen the social foundations of the existing political system. This version of the modernization of the autocratic system opened the potential for public presentation of the image of the monarch as the spiritual and state leader of the subjects. Given the religiosity of Emperor Nicholas II and his family, this plan had a high chance of implementation, and V. K. Pleve received an additional ideological resource to support his own political program as a whole.

Keywords: Russian Empire, V. K. Pleve, peasant unrest, agrarian question.

References

1. Anfimov A. M. *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropejskoj Rossii. 1881–1904 gg.* [Economic situation and the class struggle of the peasants of European Russia. 1881–1904 gg.] M. Nauka. 1984. Pp. 212–214.
2. Bellegarde V. A. *Vospominaniya* [Memories]. M. New literary review. 2009. P. 436.
3. *Vlast' i reformy. Ot samodержавnoj k sovetskoj Rossii* – Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia. SPb. Dmitry Bulanin. 1996. P. 437.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* – State archive of the Russian Federation. F. 601. Inv. 1. File 859. Sh. 4.
5. Gurko V. I. *Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v carstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past: the Government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. New literary review. 2000. P. 148.
6. Emelyah L. I. *Krest'yanskoe dvizhenie v Poltavskoj i Har'kovskoj guberniyah v 1902 g.* [Peasant movement in Poltava and Kharkiv provinces in 1902] // *Istoricheskie zapiski* – Historical notes. Vol. 38. M. Academy of Sciences of the USSR. 1951.
7. Ivanenko D. A. *Zapiski i vospominaniya. 1888–1908* [Notes and memoirs. 1888–1908]. Poltava. 1911. P. 180.
8. *Iz vospominanij ob agrarnom dvizhenii 1902 goda v Poltavskoj gubernii (Rasskaz poterpevshego)* – From the memoirs of the agrarian movement of 1902 in the Poltava province (The victim's story) // *Istoricheskij vestnik* – Historical Herald. 1908. Vol. CXII [4]. SPb. 1908.
9. *Iskra* – Spark. 1902. May 1. No. 20. P. 6; June 1. No. 21. P. 9.
10. Kireev A. A. *Dnevnik. Zapis' 13 aprelya 1902 g.* [Diary. Notes of April 13, 1902] // *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* – Department of manuscripts of the Russian state library. F. 126. K. 13. Sh. 134 turn.
11. *Krasnyj arhiv* – Red archive. 1930. No. 2 (39). Pp. 80–81.
12. *Krest'yanskoe dvizheniya 1902 goda (Novye materialy)* – Peasant movements of 1902 (New materials). M–Pg. State publishing house. 1923.

13. *Krest'yanskoe dvizhenie v Poltavskoj i Har'kovskoj guberniyah v 1902 g. Sbornik dokumentov* – Peasant movement in Poltava and Kharkiv provinces in 1902. Collection of documents. Kharkiv. Kharkiv book. 1961.
14. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 gg. : sbornik dokumentov* – The peasant movement in Russia in 1901–1904 : collection of documents. M. Nauka. 1998.
15. *Lyubimov D. N. Russkoe smutnoe vremya. 1902–1906. Po vospominaniyam, lichnym zametkam i dokumentam* [Russian time of troubles. 1902–1906. From memories, personal notes, and documents]. M. Kuchkovo pole; Retrospective. 2018. P. 42.
16. *Mironov B. N. Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu : v 3 t. T. 3* [Russian Empire: from tradition to modernity : in 3 vols. Vol. 3.] SPb. Dmitry Bulanin. 2015.
17. *Novoe vremya* – New time. 1902. April 21 (May 4). No. 9384. P. 5.
18. *Novoe vremya* – New time. 1902. April 29 (May 12). No. 9392. P. 2.
19. *O nashih gospodah (Zapozdaloe pis'mo iz Peterburga)* – About our masters (Belated letter from St. Petersburg) // *Liberation*. 1902. July 2 (15). No. 2. P. 29.
20. *Osorgin M. M. Vospominaniya, ili Chto ya slyshal, chto ya videl i chto ya delal v techenie moej zhizni. 1861–1920* [Memories, or What I heard, what I saw, and what I did during my life. 1861–1920]. M. Ros. kul'turnyj fond; TRITE Studio; Russian archive. 2008. Pp. 562–564.
21. *Pervaya russkaya revolyuciya: vzglyad cherez stoletie* – The first Russian revolution: a look through a century. M. Monuments of historical thought. 2005.
22. *Rogozhina A. S. "Prosyashchij milostynny uzhe nichego ne mozhet najti, potomu chto vse odinakovo obnishchali". O deyatelnosti Osobogo komiteta Naslednika Cesarevicha v kontekste "vserossijskogo razoreniya" 1891–1892 gg.* ["Begging for alms can not find anything, because everyone is equally impoverished." On the activities of the Special Committee of the Tsarevich's Heir in the context of the "all-Russian ruin" of 1891–1892] // *Herald of the archivist*. 2018. No. 3. Pp. 770–782. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-770-782.
23. *Simonova M. S. Krizis agrarnoj politiki carizma nakanune Pervoj rossijskoj revolyucii* [Crisis of tsarism's agrarian policy on the eve of the First Russian revolution]. M. Nauka. 1987.
24. *Worthman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. T. II* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. II] M. OGI. 2004. Pp. 514–515.
25. *Judge E. H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia*. Syracuse, 1983. Pp. 40–42.
26. *Les ministres menacés en Russie* // *Le Rappel*. 15 may 1902. No. 11752. P. 1.